

ЖУРНАЛИСТИКА

САША ЧЕРНЫЙ КАК РЕДАКТОР И АВТОР ОТДЕЛА САТИРЫ И ЮМОРА «БУМЕРАНГ» В ПАРИЖСКОМ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОМ ЖУРНАЛЕ «ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССИЯ»

М.А. Жиркова

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Петербургское шоссе, д. 10, Пушкин, г. Санкт-Петербург, Россия, 196605

В статье анализируются материалы отдела сатиры и юмора «Бумеранг», ответственным редактором и автором которых был Саша Черный. Выделяются две темы, традиционные для эмигрантской литературы: Советская Россия и русские в эмиграции. Сатирические миниатюры затрагивают политических деятелей, внешнюю политику СССР и установление международных связей с другими странами; литературу и культуру. Освещаются подробности жизни русских в эмиграции: проблемы поиска жилья, работы, обмена или получения вида на жительство. По отношению к советской стране чувствуется агрессивность, злость и резкость сатирика, тогда как о русских в эмиграции Саша Черный пишет с иронией. В конце статьи делается вывод об особенностях развития комического, тех изменениях в поэтике, которые определили новый облик поэта и писателя.

Ключевые слова: Саша Черный, периодика, сатира, ирония, юмор, пародия, эпистолярный жанр, либретто, роман, проза.

В эмиграции русская периодика развивалась очень бурно, несмотря на неоднородность материала и различную степень долговечности ее существования. Злободневные сатирические фельетоны, юмористические рассказы часто мелькают на страницах эмигрантских газет и журналов, появляются отдельные сатирические журналы. Кроме самостоятельных журналов и вестников, в различных периодических изданиях присутствуют отделы сатиры и юмора. Среди них можно назвать созданный Сашей Черным в 1925 г. и просуществовавший в течение ряда лет (1925—1928) «независимый отдел сатиры и юмора» «Бумеранг» в парижском еженедельнике «Иллюстрированная Россия».

Саша Черный сотрудничает с журналом практически с первых дней его возникновения. Он ведет рубрику «Страничка для детей», публикует свои рассказы и на какое-то время становится редактором сатирического отдела — с мая по ноябрь 1925 г. Затем на этом посту его сменит новый редактор.

«Бумеранг» — это отдел сатиры и юмора, который ведет в основном сам Саша Черный, присутствие материалов других авторов скорее исключение, чем правило. В качестве редактора и авторов публикаций выступают знакомые по раннему творчеству художественные образы-маски поэта: Фаддей Симеонович Смяткин, Сандро и др.

Бумеранг — боевое и охотничье оружие, которое после броска возвращается охотнику в руки. Художественное оформление надписи названия отдела связано с далекой Африкой: стилизованные под бамбуковые палочки буквы в окружении радостного чернокожего охотника с бумерангом в руках в начале и попугая, сидящего на последней букве «ерь». В дальнейшем подобное оформление надписи не всегда выдерживается. Но африканская тема найдет свое продолжение в юмористических картинках из жизни племени Бам-Бук.

Сатиру часто характеризуют как оружие борьбы с недостатками и пороками человеческого общества. Не случайно в программном стихотворении «Политический сонет», открывающем первый выпуск сатирического отдела, звучит риторический вопрос: «В кого метать летучий бумеранг?» [1. С. 209]. В «Бумеранге» доминируют две темы, традиционные для эмигрантской литературы: жизнь граждан в Советской России и русских в эмиграции, таким образом, объектами сатиры становятся советская действительность и русские эмигранты. Но именно по отношению к большевистской России чувствуется агрессивность, злость и резкость сатирика, тогда как жизнь русского человека в эмиграции у Саши Черного чаще представлена иронично.

Интересы писателя сосредоточены в большей степени на том, что ему ближе всего: литературе, газетах и журналах, детях (постоянная забота Саши Черного), жизни простого человека, страдающего по обе стороны границы: от разлуки с родиной, неустроенности в эмиграции и от условий жизни в большевистской России. Сатирические миниатюры о Советской России затрагивают политических деятелей, которых множество упоминается у Саши Черного. Заметки и фельетоны звучат откровенно зло, даже оскорбительно-грубо, например, о престарелой Коллонтай, дураке Зиновьеве или шарлатане Троцком. Автор также размышляет о внешней политике СССР и установлении международных связей с Италией, Германией, Англией, Францией. В центре внимания сатирика находится литературная жизнь новой России, упоминаются Демьян Бедный, Маяковский, Велимир Хлебников и ряд других писателей и поэтов, например: «Среди дня мчавшийся по Арбату Маяковский налетел на грузовой автомобиль и разбил его вдребезги» [2. С. 106]. А вот сатирик знакомит читателя с несколькими постановлениями съезда пролетарских писателей Москвы: «2) Монументы Пушкина, Гоголя и Крылова перелить на пулеметы. 2) Освободившиеся пьедесталы сохранить вакантными для Демьяна Бедного, Сергея Городецкого и Василия Князева» [2. С. 122]. Объектом сатиры становится также внутренняя политика Советской России в области литературы: запрет на классическую литературу как контрреволюционную; процветание антихудожественной современной поэзии, прозы и драматургии; отношение к эмигрировавшим русским писателям.

Писателем освещаются подробности жизни русских в эмиграции, которые касаются проблемы поиска жилья, работы, обмена или получения вида на жительство. Не оставляет без внимания сатирик политические взгляды, читательские интересы эмигрантов; сообщества и клубы, возникшие на чужбине; культурную жизнь Парижа, например, упоминаются гастролы Александра Вертинского, конгресс спиритов, на который приезжал Конан Дойл.

Новости из-за рубежа кажутся забавными и нелепыми на фоне происходящего в России или в эмиграции. Чаще всего они касаются Америки: «сухой закон» в стране, странные конкурсы тех лет, процесс Чарли Чаплина против копирования его образа; реакция римского папы на современную моду и т.д. Но их меньше.

Сатирические миниатюры «Бумеранга» отражают пестроту пародируемых в нем газетных и журнальных жанров. Здесь встречаются пародии на телеграммы, письма, советы, рекомендации, афоризмы, происшествия, хроника, передовица, объявления,

заметки. Появляются и относительно крупные произведения, например: либретто оперы, есть даже полицейский роман.

Казалось бы, подобный отдел сатиры и юмора должен бы веселить, развлекать. Возможно, так оно и было, в тех двух-, трестраничных публикациях вкупе с карикатурами в еженедельнике «Иллюстрированная Россия». Но сейчас собранные вместе под обложкой книги, сатирические миниатюры в большей степени обнаруживают боль автора за происходящее в России, злость и обиду от бессилия что-то изменить, и у современного читателя вызывают скорее грусть.

В авторских заметках мелькают страшные факты новой советской действительности, например, в вопросе, заданном английскими безработными: «Правда ли, что в СССР безработным не платят ни гроша, а волнения безработных подавляются мерами, которые в несоветских странах применяются только укротителями к диким зверям?» [2. С. 110] или в вопросе иностранца: «Почему этот подозрительный тип в кожаной фуражке ходит за мной попятам?» [2. С. 111]. Прилагается письмо комсомольца Спартака Пищикова своим «товарищам родителей»: «А что у вас в глазах? Мутные слезы по старому режиму... Эх, вы пауки запечные! Щажу только вашу собачью мелкобуржуазную старость, а то б давно писанул в уездную Чека. Причесали б вас там живо» [2. С. 119]. Здесь находят свое отражение и жесткий контроль за всем и всеми со стороны государства, и существующие доносы и аресты в большевистской России.

Автор в своих миниатюрах творит новую художественную реальность, нарочито утрируя события и факты. Так, в одной из телеграмм сообщается о конфискации и аресте двух завалившихся в подвале книжной лавки Кишинева экземпляров пушкинской сказки «О рыбаке и рыбке» с обвинением в насильственной русификации, впоследствии их «под усиленным конвоем препроводили в местную каторжную тюрьму» [2. С. 108]. Книжную тему подхватывают новости из Москвы, в которых сообщается об изъятии книг «непролетарских» писателей из библиотек и книжных складов. В публикуемых новостях присутствует явная отсылка к советской цензуре и спискам запрещенных книг, изымаемых из библиотек и попадающих под запрет.

Реальные факты переплетаются с художественным вымыслом, порождая новую действительность, где возможно, например, изобретение прибора «для кормления коммунистических грудных младенцев красными копировальными чернилами». Абсурд, основанный на гротескном смешении реального и фантастического, становится приемом сатирического заострения политики государства, направленной на воспитание советского гражданина. Если раньше говорили, что ребенок впитал с молоком матери любовь к родине, веру в Бога или какие-то иные духовные ценности, именно с ними связан известный фразеологизм, то теперь вместо грудного молока младенцам предлагаются красные копировальные чернила, вместе с которыми ребенок должен с младенчества впитывать идеологические убеждения.

Саша Черный обыгрывает происходящие в то время в Советской России изменения в лексике, появление множества сокращений и аббревиатур. Прилагательные «советский», «коммунистический», «пролетарский» и «красный» становятся постоянными составляющими новых образованных сатириком слов, иногда нелепо или абсурдно звучащих. Так, в меню дипломатического завтрака, «которым чествовал в Берлине канцлер Лютер тов. Чичерина», присутствуют *совпольские* зразы, а в *совлибретто* «Краснодемон» рабочие осетины скачут на *красноишаках*.

Прилагательное «красный» — одно из самых употребляемых, оно становится универсальным синонимом, заменяет собой любое из названных ранее и является символом новой Советской России. Встречается употребление этого определения и в своем первоначальном значении: Красная армия, орден Красной Звезды, но чаще

звучат новые сочетания: красный археолог, красный аэроплан, красная матушка Россия, красnobасни Демьяна Бедного. Красный цвет — яркий, сильный за которым такие же сильные чувства и понятия, как положительные, так и отрицательные: любовь, радость, праздник и ненависть, гнев, война. Революция явилась переломным моментом в изменении значения этого слова. Если на Руси прилагательное «красный» обозначало «красивый», «самый лучший» (красная площадь, красный угол, красная девушка), то теперь в данном контексте красный цвет олицетворяет революцию и то, что связано с ней: кровь, агрессия, война.

Пародируя многочисленные переименования того времени, Саша Черный публикует в «Бумеранге» письмо одного эмигранта, предлагающего свои услуги. Далеко не все его варианты звучат смешно и нелепо, например: Пулеметный мост и набережная Красноймоек, улица Совнаргоголя и Каинский бульвар, мост Красных Семечек и переулочек Малюты Скуратова.

Появление в эмиграции газеты «Парижский вестник» (май 1925 г. — март 1926 г.), имевшей просоветскую направленность и освещавшей жизнь и быт новой России, «основанной при советском полпредстве для пропагандистской работы среды эмигрантов» [3. С. 307], также привлекает внимание сатирика. На страницах этой газеты публикуются письма читателей, разочаровавшихся в эмиграции и приветствовавших советский строй, а также «бравурные отчеты о состоянии промышленности, науки и искусства, рапорты о достижениях в социальной сфере, сообщения из республик, информация о благополучной судьбе возвратившихся на родину беженцев» [4].

Это становится предметом пародии в передовице Саши Черного «Обмен», содержащей образец письма такого кающегося и стремящегося на родину эмигранта. В обмен на рвущихся «в братский СССР-ский котел» автор предлагает получить из СССР несколько сотен близких нам людей, которые годами простаивают в хвостах и не могут получить визы на выезд из самой счастливой и свободной страны в мире» [2. С. 115].

Письма в редакцию или образцы советского эпистолярного жанра, которые представляет «Бумеранг», позволяют услышать голоса представителей разных классов, партий, познакомиться с эмигрантами, антисоветски настроенными и, наоборот, разочаровавшимися в эмиграции и мечтающих о возвращении на родину, например, письмо Игнатия Мокрецова из передовицы «Обмен».

Раскрывающие через лексику и стиль образ того или иного автора письма знакомят и с представителями советской стороны, например с влюбленным молодым человеком из «Письма невесте». Любовь в новой большевистской России также строится на партийной основе: «Муж и жена — одна сатана, и ежели я вполне красный, то и у вас, товарищ, должен быть соответствующий мандат» [2. С. 118]. Любовное письмо также отражает те лексические и стилистические изменения, которые произошли в России после Октября. Оно содержит политические и агитационные лозунги и выражения, сокращения слов: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», «опиум для народа» и т.п. Комический эффект достигается использованием их в любовном послании, например: «*Став лицом к женщине, должен, однако, поставить на вид, что в желательности между нами полной смычки ножниц, прошу вас, как можно скорее записаться в партию*». Выбирая между брошами в виде серпа и молота и звездой, герой решает: «Вам, как блондинке, *серп-молот* к вашему пышному авангарду подойдет больше». Завершает письмо прощальная фраза: «С тем и остаюсь *в уплотнении* чувств и в ожидании вашего *любоответа*» [2. С. 118].

Благодаря телеграммам из разных городов и стран, которые публиковались в каждом номере «Бумеранга», возникает ощущение проникновения новой идеологии во

все уголки мира. Но здесь срабатывает защитная функция смеха: происходящее оборачивается пародией, как это происходит, например, с мексиканской революцией, которая «протекает вполне нормально. Местные жители во имя своих коммерческих и гражданских интересов обратились к новому диктатору генералу Лахудре-Кальвадос с просьбой установить очередь новых революций до конца настоящего года» [2. С. 107] или объявлена забастовка танцоров в Нью-Йорке, что приводит в ужас женскую часть населения, оставляя при этом мужскую часть совершенно безучастными.

Когда телеграммы идут одним им ведомым путем (из Риги через Тифлис или Сахалин; из Полтавы через Лиссабон или из Бухареста через Суэцкий канал и т.д.), происходит нарушение логики пространственного перемещения. Разрушению привычного пространства оставленной родины способствуют многочисленные переименования, мелькающие на страницах «Бумеранга» то в телеграммах, то в предложениях русских эмигрантов своей помощи в этом и мечтающих таким образом хоть немного заработать. Такие варианты новых названий можно встретить в телеграммах: «Архангельск. — Вылетевшая к Северному полюсу экспедиции Сов. летчиков разослала по радио воззвание: “Всем, всем, всем! Перевалив через северное сияние, пьем бензин за здоровье мировой революции. Белое море впредь именовать Красным, Канин Нос — Ленин Носом, Двинскую губу — Крупской губой”» [2. С. 106].

Новости со всего мира размыкают границы государств и создают единое пространство земного шара. Обратим внимание в этом плане на один из афоризмов Ф.С. Смяткина: «Когда я смотрю на звездное небо и думаю, сколько на каждой звезде дураков и политических партий, я начинаю терпимей относиться к нашей маленькой Земле» [2. С. 126]. Позднее эта мысль прозвучит в «Новейшем комсправочнике»: «Какой социальный строй на Марсе? По последним наблюдениям нашей Красной Обсерватории — сочувствующий СССР (именно последнему, одобренному ВЦИКом уклону)» [2. С. 178]. Так абсурдность современной жизни разрастается до вселенского масштаба и становится приемом сатиры.

Нарушение нормального человеческого общежития, общего миропорядка наблюдается в жизни русского эмигранта. Подобным образом звучат афоризмы профессора Фаддея Семионовича Смяткина: «Самое редкое в эмиграции явление: ветеринар, не именующий себя профессором»; «Эмигранту не подобает иметь многочисленное семейство»; «Старые танцы способствовали увеличению браков. Новые — способствуют увеличению разводов». В разделе «Происшествия» сообщается об изобретении нового типа походных квартир, устроенных по типу водолазного костюма, передвижаемого при помощи роликовых коньков. «Члены любой семьи, прицепившись друг к другу крючками, могут т.о. двигаться в любой местности» [2. С. 114]. На страницах «Бумеранга» присутствуют советы: как выйти в отставку хотя бы на одни сутки из эмигрантского континуума; как создать иллюзию роскошной курортной жизни, не покидая городской квартиры. Но здесь звучит уже грустная ирония, а не сатира.

«Бумеранг» предлагает читателям также произведения крупной формы, например, либретто оперы и роман. Совлибретто «Краснодемон» отражает явления того времени — переименование и «корректировку» сюжетов классических музыкальных произведений в 1920-е гг. в России в духе нового революционного, пролетарского искусства, например: «Тоска» Пуччини становится «Борьбой Парижской коммуны», «Гугеноты» Мейебера — «Декабристами», «Жизнь за царя» Глинки — «Серпом и молотом». Объектом пародии сатирика становится советская театральная жизнь и новое пролетарское искусство, тогда как лермонтовская поэма служит материалом.

С иронией Саша Черный относится к невзыскательным вкусам и русского эмигранта, сосредоточенного на бульварных романах. Одна из заметок сообщает о вы-

ходе новой парижской газеты, которая вместо передовицы, фельетонов, хроники и других газетных жанров будет публиковать «четыре бульварных романа с продолжениями: 1) роман сенсационно-двуспальный; 2) сенсационно-каторжный; 3) сенсационно-окультистский и 4) сенсационно-марсианский» [2. С. 114]. Среди объявлений содержится сообщение о выходе «новой фильма», сценарием которой, по-видимому, послужил рассказ Ф.М. Достоевского, несколько измененный сатириком и приписанный совсем другому автору: «Чужой муж и жена под кроватью» (по знаменитому роману баснописца Крылова)» [2. С. 136].

Опубликованный «сенсационно-психологическо-фантастический роман в 13 главах с прологом, монологом и эпилогом» «Голова блондинки» пародирует популярные детективы. Действие романа Саши Черного разворачивается жарким весенним утром на немецком курорте. В основе сюжета лежит разрешение тайны найденной в беседке парка аккуратно отрезанной женской головы. Вызванный из Ливерпуля знаменитый сыщик Ремингтон на зависть местному полицейскому инспектору легко угадывает по мелким деталям род занятий и причастность к данной тайне местных жителей:

— Играете на тромбоне?

— Как... вы... узнали?

— Одутловатые губы и мозоль на языке. Арестовать!

— Вы садовник? — спросил Ремингтон, нервно глотая виски.

— Как... вы... узнали?

— У вас в волосах гусеница. Под ногтем правого указательного пальца огородная земля... Вы побледнели?!..

— Арестовать! [2. С. 160].

Так оказывается арестована уже половина городка, а вторая в страхе ждет своего ареста. Благодаря небольшим главкам и деятельной натуре сыщика действие развивается стремительно. Статичные первые две главы с описанием места и времени действия, а также странной находки сменяются динамичными диалогами, сближая роман с драматическим произведением, в которых авторская речь становится своеобразными ремарками.

Правда, дело дальше арестов не продвигается, несмотря на активность героя. Знаменитый сыщик, названный, возможно, в честь американского изобретателя боевого оружия, в последней главе романа посрамлен: голова блондинки всего лишь новый манекен для витрины, забытой в пылу страсти и алкоголя парикмахером. Ремингтон — еще и название пищащей машинки. Возможно, здесь представлена сатира на авторов, строчащих романы с невероятной скоростью

Характеры героев и сами сюжеты в материалах «Бумеранга», намеченные лишь эскизно, проявятся позднее и разовьются в рассказах Саши Черного. Так, афоризм Ф.С. Смяткина о современных танцах подхватит герой рассказа «Буба», повествующий о своей племяннице: «А потом вот и пошло балетное это икроверчение. В студию какую-то раздевально-пластическую записалась» [5. С. 349]. «Письмо из Рима» Степана Лося отразится в «Письме из Берлина» за подписью «Иван Лось», опубликованном в следующем номере «Иллюстрированной России». Спиритический конгресс и увлечение спиритизмом Конана Дойла подскажет идею рассказа «Пушкин в Париже», посвященного появлению духа поэта в Париже, вызванного по ошибке английским спиритом [6]. Начинаящей поэтессе с прозаическим именем Агафья Бубликова редакция «Бумеранга» рекомендует более звучный — Веранда Шехерезадова. А в рассказе «Колбасный оккультизм» гадалка с примечательным именем Веранда Брахма-

путра окажется вполне практичной особой, способной помочь организовать и открыть колбасный цех в эмиграции и т.д.

В ноябрьском номере «Бумеранга» за 1925 г. сообщалось о преждевременной кончине профессора Фаддея Симеоновича Смяткина (от систематического употребления водки и аперитива) и смене его на посту редактора Псоем Сысоевичем Куроцаповым де Ляперуз (ля Перуз), с научной степенью доктора политграмоты и кожных болезней. Иногда мелькают другие подписи: «Генерал Дитятин», «Каролус Магнус», «Ловчий», «Математик», «Финансист», Фердинанд Попришин и т.д. Как предполагает А.С. Иванов, за этим псевдонимом скрывался В. Клопотовский, известный под сатирическим именем «Лери» [7. С. 31]. Сам отдел сатиры и юмора в «Иллюстрированной России» просуществовал до 1928 г.

Остановимся на этом в истории «Бумеранга», поскольку нас интересует в первую очередь Саша Черный как его редактор и автор. Почему сатирик выходит из «Бумеранга», продолжая активно сотрудничать с газетой? С нашей точки зрения, это связано с изменениями в поэтических принципах, новыми творческими установками писателя.

Прошло восемь лет после Октябрьской революции; в 1918 г. Саша Черный уехал из Пскова и покинул Россию навсегда. Сначала он живет в Литве, затем в 1920 г. переехал в Германию. За пять лет жизни за рубежом пришло понимание, что советская власть укрепилась надолго и скорейшего возвращения на родину не ожидается, как это было в первые годы пребывания за границей. Складывается новое направление в его творчестве. Из поэзии уходит сатира; начиная с 1925 г. писатель пишет рассказы, которые публикуются в той же «Иллюстрированной России», газете «Последние новости» и которые позднее войдут в единственный сборник прозы — «Несерьезные рассказы» (Париж, 1928). В них доминирует ирония и юмор, в целом, книга получилась светлой, жизнерадостной. В 1928 году Саша Черный начинает работать над «Солдатскими сказками»; веселые и озорные, написанные колоритным народным языком, они публиковались сначала также в периодике, а отдельным изданием вышли уже после смерти писателя в 1933 г.

Как видим, в эмиграции Саша Черный отходит от сатиры, возвращение к ней в 1931 г. в возродившемся парижском «Сатириконе» было недолговременным. Главным в эмигрантском творчестве писателя становятся ирония и юмор с утверждающим началом в своей основе. Сатира несет отрицание, призывает к исправлению, даже разрушению, уничтожению того, что становится предметом ее внимания. Революция, эмиграция и так выбила землю из-под ног, лишила русского человека родины, дома, но жить отрицанием невозможно, нужны новые ценности, положительный взгляд на мир. Ирония и юмор позволяют человеку взглянуть на себя со стороны, увидеть смешные стороны своей жизни, посмеяться над собой и тем самым обнаружить силы жить дальше. Именно этому и пытается научить своего читателя Саша Черный.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Черный С. Собр. соч. В 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917—1932 / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 2007.
- [2] Черный С. Собр. соч. В 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904—1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 2007.
- [3] Домогацкая Е.Г. «Парижский вестник» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 307—308.

- [4] Парижский вестник (*Le Messenger Russe de Paris*). [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.philol.msu.ru/~modern/main.php?page=20> (Дата обращения: 12.03.2015).
- [5] Черный С. Собр. соч. В 5 т. Т. 4: Рассказы для больших / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 2007.
- [6] Жиркова М.А. «... Скажите, какой теперь год?» Образ Пушкина в эмигрантском творчестве Саши Черного // *Материалы Михайловских Пушкинских чтений «Одна великолепная цитата»*: Сб. ст. — Сельцо Михайловское, 2012. — С. 211—219. — Вып. 54.
- [7] Иванов А.С. Театр масок Саши Черного // *Черный Саша. Собр. соч. в 5 т. Т. 3: Сумбур-трава. 1904—1932. Сатира в прозе. Бумеранг. Солдатские сказки. Статьи и памфлеты. О литературе* / Сост., подгот. текста и коммент. А.С. Иванова. — М.: Эллис Лак, 2007. — С. 5—40.

LITERATURA

- [1] Chernyj S. *Sobr. soch. V 5 t. T. 2: Jemigrantskij uезд. Stihotvorenija i pojemy. 1917—1932* / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. — М.: Jellis Lak, 2007.
- [2] Chernyj S. *Sobr. soch. V 5 t. T. 3: Sumbur-trava. 1904—1932. Satira v proze. Bumerang. Soldatskie skazki. Stat'i i pamflety. O literature* / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. — М.: Jellis Lak, 2007.
- [3] Domogackaja E.G. «Parizhskij vestnik» // *Literaturnaja jenciklopedija ruskogo zarubezh'ja. 1918—1940. T. 2. Periodika i literaturnye centry*. — М.: ROSSPJeN, 2000. — С. 307—308.
- [4] URL: <http://www.philol.msu.ru/~modern/main.php?page=20>.
- [5] Chernyj S. *Sobr. soch. V 5 t. T. 4: Rasskazy dlja bol'shih* / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. — М.: Jellis Lak, 2007.
- [6] Zhirkova M.A. «... Skazhite, kakoj teper' god?» *Obraz Pushkina v jemigrantskom tvorcestve Sashi Chernogo* // *Materialy Mihajlovskih Pushkinskih chtenij «Oдна velikolepnaja citata»*: Sb. st. — Sel'co Mihajlovskoe, 2012. — С. 211—219. — Vyp. 54.
- [7] Ivanov A.S. *Teatr masok Sashi Chernogo* // *Chernyj Sasha. Sobr. soch. v 5 t. T. 3: Sumbur-trava. 1904—1932. Satira v proze. Bumerang. Soldatskie skazki. Stat'i i pamflety. O literature* / Sost., podgot. teksta i komment. A.S. Ivanova. — М.: Jellis Lak, 2007. — С. 5—40.

SASHA CHERNY AS THE EDITOR AND AUTHOR OF THE OF SATIRE AND HUMOR DEPARTMENT «BOOMERANG» IN THE PARIS WEEKLY MAGAZINE «ILLUSTRATED RUSSIA»

M.A. Zhirkova

The Leningrad state University named after A.S. Pushkin,
Peterburgskoye highway, 10, Pushkin, St. Petersburg, 196605

In the article materials of satire and humour in «Boomerang» item are analyzed, Sasha Cherny was the editor-in-chief and author of them. There are two traditional for emigrant literature subjects allocated: the Soviet Russia and Russians in emigration. Satirical miniatures affect political figures, foreign politics in the USSR and establishment of international relations with other countries; literature and culture. Details of life of Russians in emigration include problems of search of housing, work, an exchange or receiving residence permit. In relation to the Soviet country satirist's aggression, rage and sharpness are felt, whereas Sasha Cherny writes with irony about Russians in emigrations. In the end of article it is made the conclusion about feature of development comic, those changes in poetics which defined new shape of the poet and writer.

Key words: Sasha Cherny, periodical press, satire, irony, humor, parody, epistolary genre, libretto, novel, prose.